ИЗЪ ДНЕВНИКА

ЮНОШИ „ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ“

Разбирая письма и дѣловыя бумаги моего дѣда, я наткнулся недавно на пачку какихъ-то тетрадей, туго связанныхъ веревкою, покоробленныхъ отъ сырости и даже покрытыхъ плѣсенью. Связка эта валялась долгіе годы въ нижнемъ ящикѣ стараго шкафа; въ ней оказались преимущественно различные счета, накладныя, росписки въ полученіи товара и даже, между ними, паспортъ какого-то крестьянина калужской губерніи, Ивана Архипова; онъ ходилъ по оброку отъ помѣщика Тимирязева; при немъ была записка, что крестьянинъ состоялъ грузовымъ извозчикомъ и взялся везти въ Оптинъ монастырь, въ Введенскій скитъ, разные товары и книги для братіи по два рубля ассигнаціями съ пуда.

Все это было мало интересно, и я хотѣлъ уже снова завязать пачку, какъ вдругъ замѣтилъ маленькую по формату тетрадку, но довольно толстую, въ розовомъ бумажномъ переплетѣ. Я открылъ ее... Между листами книжки лежала вѣтка сирени, совершенно коричневая отъ времени, но спресованные цвѣточки хорошо сохранились и даже, какъ будто, дышали чуть-чуть ароматомъ.

Кудрявымъ, но неустойчивымъ еще почеркомъ пестрѣли страницы тетради; никакой системы веденія въ короткихъ записяхъ не было замѣтно,—писалось порывомъ, съ налета. Молодая душа, сдерживаемая строгими правилами отцовскаго дома, вырывалась наружу въ этой маленькой книжкѣ.

Мой дядя, Александръ Егоровичъ, старшій братъ моего отца, родившійся въ 1813 году, былъ авторомъ этихъ сердечныхъ изліяній, этой исповѣди души...

Несмотря на свою молодость (онъ умеръ на двадцатомъ году жизни), Александръ Егоровичъ, окончивъ курсъ Высшаго училища, теперь 2-й петербургской классической гимназіи, былъ очень развитой человѣкъ по тому времени, обладалъ мягкимъ поэтическимъ характеромъ и, какъ это ни странно, увлекался двумя совершенно противоположными предметами—религіей и... театромъ. Онъ былъ лично знакомъ съ митрополитомъ Серафимомъ, и въ то же время велъ знакомство съ нѣкоторыми артистами императорской сцены.

Несмотря на всѣ старанія дѣда пристроить сына къ своему дѣлу по окончаніи училища, ему не удалось это сдѣлать,—Александръ не годился для торговли. Дѣдъ пробовалъ отдать его на службу къ другимъ купцамъ, но онъ, прослуживъ въ Выборгѣ, вернулся въ Петербургъ больнымъ горячкою и вскорѣ утонулъ, пытаясь перейти вбродъ черезъ Черную рѣчку, около Смоленскаго кладбища.

Маія 1-го дня 1830 года.

Слава Богу, окончилъ Училище; — старанія мои были, дабы утѣшить родителей познаніями. Папенька чрезвычайно доволенъ, но не выказываетъ своего довольства; маменька сказывала: „не должно, чтобы дѣти знали, сколь довольны ихъ родители“.

Папенька всѣхъ насъ любитъ, — зачѣмъ онъ скрываетъ это отъ насъ? Отчего мы не можемъ съ нимъ подѣлиться нашей радостью?

Я люблю его, уважаю, но боюсь;—маменька добрѣе, она, порою, готова все для тебя сдѣлать. Что-жъ, все—дѣло душевное, а „за души нѣтъ цѣны“;—будь воля Божья, вотъ и все!

Маія 6-го.

Большое наслажденіе доставило мнѣ чтеніе стишковъ, вотъ они:

Я люблю языкъ прекрасный
Чудной русской стороны;
Русской рѣчи строй согласный,
Будто лепетъ сладкогласный
Перекатистой волны;
Будто звучный громъ потока,
Эхо музыки живой,
Будто гимнъ пѣвца Востока
Друга розы молодой!
Грусть-ли на-сердцѣ заноетъ,
Горе-ль въ душу западетъ,
Въ сердцѣ грусть оно омоетъ,
И душа въ немъ отдохнетъ.

Вотъ каковъ языкъ державный
Царства русскаго органъ
Голосъ Руси православной
Чудодѣйный талисманъ.

Душевно желалъ бы написать подобные сему стишки, но мысли такъ не складываются. Ахъ, отчего я не могу этого совершить!

Николинъ день.

Вернулся съ кладбища. Сердце влечетъ туда невольно, и напоминаніе о друзьяхъ, пришедшихъ за предѣлы могилы, извлекаетъ слезы.

Многіе въ стѣнахъ мертвой обители сей имѣютъ залоги, ввѣренные земнымъ нѣдрамъ. Гулять на кладбищѣ, или вблизи его, имѣетъ въ себѣ нѣчто благоговѣйное.

Жизнь есть смѣсь радости и грусти. Душа и сердце живѣе возносятся къ Тому, Кто разстилаетъ цвѣтущіе ковры по лугамъ, и Кто озлащаетъ нивы благодатною жатвою. Настоящее исчезаетъ, душа живетъ воспоминаніемъ, симъ послѣднимъ союзомъ съ жизнью, тѣхъ скоротечныхъ земныхъ странниковъ, которые покоятся въ хладной могилѣ.

Іюнь, начало.

Какой чудесный день! Своею прелестью онъ меня утомляетъ. Папенька сегодня сказывалъ мнѣ за обѣдомъ: „Довольно, Александръ, погулялъ, пора и за дѣло браться!“

Я радъ доставить пріятство папенькѣ, но къ какому дѣлу онъ меня приспособитъ?

Я помолчалъ, папенька опять сказалъ мнѣ: „Ты будешь писать мнѣ письма, почеркъ у тебя кудрявый, разбористый, опосля къ разборкѣ пенькй тебя пріучу“. Коли папенька желаетъ, волю я его долженъ исполнить; сегодня воскресный день, а завтра примусь за писаніе.

Понедѣльникъ.

Пишу письма съ папенькиныхъ черниковъ, написалъ четыре: въ Зубцовъ, Ливону Афончикову; въ Козельскъ, отцу Леониду; въ Карачевъ, дѣдушкѣ Ильѣ Бочарову; туда же, Андрею Ивановичу Найденову, вѣрительное письмо на покупку людей...

Господи! Сколь велика наша жестокость! Какъ скотовъ, продавать живыхъ людей; сказываютъ, опричь Россійскаго государства, только въ Американской странѣ людьми торгуютъ; неужели никогда препоны этому торгу не будетъ? Оченно тяжело слышать про сіе позорное торжище.

Въ писаніи сказано: „Убивающіе тѣло, не убіютъ душу живу“. Истинно такъ! Но торгомъ подобнымъ затемняется и душа.

Черезъ нѣсколько дней.

Спрашивалъ маменьку по этому, что̀ она полагаетъ?

— Не нами это, сынокъ, задѣлано, не нами и закончится, на то высшія власти существуютъ.

Задумался я. Почему же такъ? Отчего каждый человѣкъ не говоритъ супротивъ этого?

— Маменька,—сказываю я ей,—а когда всѣ россійскіе люди супротивъ такой кабалы возстали бы и твердое рѣшеніе свое поставили, чтобы людского торга больше не было?

— Глупый ты, сынокъ, сколь возможно такую затѣю надумывать; вѣдь отъ нея помѣщикамъ одинъ раззоръ будетъ. Кто же станетъ землю обрабатывать, хлѣбъ сѣять? Всѣ тогда разбредутся по сторонамъ. Кому жъ охота чужую землю обработывать?

Маменька правду сказываетъ. Чужое дѣло, ой, не сладко!

— А если бы мужикамъ землю дали?

Разсердилась на меня маменька.

— Ахъ сколь у тебя неразумныя сужденія! Вѣдь тогда всѣ помѣщики нищими станутъ.

Слушаю это, вижу, что маменька истину толкуетъ, но какъ же быть-то, чтобы все по божескому вышло?

Тихона брата именины.

Пришли сверстники Мошнины. Товарищей не звали, гдѣ ихъ нынѣ найдешь, всѣ разбрелись, лѣтняя пора. Папенька послѣ обѣда легъ спать, а мы всѣ и сестры пошли въ садъ. Молодежь веселилась, бѣгала взапуски, а я сидѣлъ подъ липою и все думалъ о моемъ разговорѣ съ маменькою. Послѣ вечерень пріѣхалъ отецъ Ааронъ съ дьякономъ, Силою; они не велѣли будить папеньку. Я подошелъ подъ благословеніе отца Аарона.

— Что̀-жъ ты къ веселію не прилежишь?—спросилъ онъ меня,—юность веселится, а ты сидишь, погруженный въ задумчивость.

Мы были одни, молодой дьяконъ бѣгалъ съ братьями. Я не сталъ скрывать своей думы и все разсказалъ о. Аарону.

— Ишь ты, сколь юнъ еще, а бунтовать мыслишь.

Но я внялъ, что въ голосѣ его не слышно гнѣва, осмѣлился его спросить:

— А вы, батюшка, какъ о семъ торгѣ мыслите?

Задумался от. архимандритъ, пристально посмотрѣлъ на меня.

— Мудренъ ты, Александръ, монаха о житейскомъ вопрошать желаешь,—уклонился онъ отъ прямого отвѣта, но, положивъ мнѣ на голову руку, кротко добавилъ:

— Мыслю я также, что негоже торгъ чинить созданіямъ, по образу Божію сотвореннымъ.

Взбунтовались мои мысли, взошли въ голову.

— Если вы таково мыслите, почему же не сказываете вашихъ мыслей по открытости?

Усмѣхнулся.

— Не все должно сказывать, что̀ лежитъ на сердцѣ. Иной разъ и Творецъ Небесный правду видитъ, да не скоро скажетъ.

Въ садъ пришелъ папенька, разговору нашему конецъ.

Іюль.

Пишу письма папенькѣ, хожу съ нимъ на разборку пеньки на каменный буянъ, хотя рвенія особеннаго къ этому дѣлу не чувствую. У папеньки вышла большая непріятность насчетъ Даніила Николаева. Продали ему мы солонину, что̀ съ Карачева прислали, за деньгами многажды къ нему ходилъ, но сыскать не могъ, все сказываютъ: на Площадку ушелъ. Папенька сердится, видимость имѣется, что Николаевъ банкрутомъ объявить себя думаетъ и прячется.

Наши деньги за нимъ, хотя и небольшія, а папенькѣ все-же жалко.

Казанская.

Съ Николаевымъ сладилось. Папенька деньги всѣ получилъ, повеселѣлъ сразу, отписалъ дяденькѣ Сергѣю Ильичу въ Карачевъ, что такъ-то лучше удалось, а новые судьи въ коммерческомъ не знаютъ, что̀ дѣлать и какую резолюцію въ такихъ случаяхъ полагать.

Обрѣзалъ онъ вечеромъ въ саду сушь и мнѣ сказалъ, что въ биржѣ собрана особая коммиссія для опредѣленія съ точностью линейной мѣры въ Англіи.

— Упреждали, что для россійскихъ купцовъ есть наставленіе, какъ торговать требуется, а то, болѣе кто изъ молодыхъ, не по правдѣ торговать зачали. Биржевой комитетъ надумалъ спосылать въ аглицкую землю купеческихъ сыновей для уразумѣнія торговой науки. Коли тебѣ желательно, я не прещу твоему желанію и отправлю за море.

Сердце у меня такъ и застучало отъ радости, но боялся я родителю сказать всю правду. Перемѣнчивъ онъ и упрямъ больно, коль замѣтитъ, что ты на дѣло сразу льстишься.

Долго мы съ нимъ еще въ саду находились, но объ аглицкой землѣ не толковали.

Недѣлю спустя.

Папенька не вспоминаетъ о посылкѣ меня въ аглицкую землю;

но не состоялась биржевая коммиссія. Хотѣлъ я у Николая Григорьевича Калгина спросить, когда къ намъ онъ заходилъ. Онъ биржевикъ, маклеромъ значится, да побоялся, чтобы папенькѣ не передалъ. И то непріятность вышла. Крестьяне, что къ Александровой слободѣ приписаны, на мануфактурѣ работаютъ, воспротивились картофель копать.

Сказываютъ, какой-то странникъ подговорилъ ихъ, чтобы противъ приказа идти.

— Глупые люди, чортовымъ яблокомъ произрастанія полезныя прозываютъ, Эдвердца, механика своего, чтѳ уговаривать ихъ принялся, чуть не убили. Служащій отъ Джемсъ Лиделя вчера на буянѣ мнѣ сказывалъ, что въ Лондонѣ русскому для мысли большой просторъ имѣется и всякая наука открыта. Отчаянью подобно мое сожалѣніе, что не удается мнѣ въ сей странѣ побывать.

Спасовъ день.

О сей день ходили на воду. Все наше семейство было тоже; отъ Николы Мокраго вплоть до самой воды крестный ходъ вытянулся, промежъ барокъ съ пенькою шли, папенька крестъ запрестольный несъ. Идетъ, а самъ пѣвчимъ подпѣваетъ и такъ высоко, что превыше дисканта оказывается. Отецъ Николай воду святилъ. Красота на Невѣ была, въ ялики народу много понасѣло съ Васильевской стороны, къ плоту не подчаливали, а держались на веслахъ посерединѣ, и оттуда смотрѣли.

На буянѣ тоже много богомольцевъ стояло,—нонѣ барокъ въ приходѣ много, коренныхъ и разборщиковъ поболѣ сотни четыре. Молебствовали торжественно, пришли домой къ часу.

Вася Мошнинъ принесъ мнѣ сегодня новые стишки очень чувствительные; я списалъ.

Со дня созданія подъятъ не смертныхъ родомъ
Незримый, вѣчный мечъ Судьбы;
Его не избѣжать обдуманнымъ уходомъ,
Его не искупятъ чистѣйшихъ устъ мольбы!
Онъ слѣпо падаетъ, вращаемъ въ длани твердой
На слабый цвѣтъ, на идолъ гордый.
Разитъ безъ выбора земныхъ племенъ толпы!
А человѣкъ—игра живая
Коварныхъ сновъ, надеждъ, суетъ,
Въ мечтахъ торжественныхъ до неба досягая,
Не помнитъ грозныхъ близкихъ бѣдъ.
Какъ бурный вихрь онѣ нагрянутъ,
Его блаженство разметутъ,
И никогда потомъ отрады не заглянутъ
Въ его развѣнчанный пріютъ!

Возможно раздуматься надъ сими стишками, столь они правильно сказаны. Развѣ человѣкъ — не малая песчинка передъ Творцомъ, ничтожество существенное, а все же мнитъ себя горделиво.

Преображеньевъ день.

О сего дня пріѣзжалъ къ папенькѣ градской голова, Василій Григорьичъ Жуковъ; папенька съ нимъ по зимамъ торговое дѣло имѣетъ, покупаетъ для Карачева и для другихъ городовъ табакъ курительный и цыгарки и по зимнему пути отправляетъ гужомъ.

Веселый такой, хотя личность по столицѣ единственная, пріѣзжалъ звать все наше семейство въ воскресенье въ Катерингофъ на ялботахъ покататься, пѣсенниковъ его послушать.

Папенька пѣнье любитъ, обѣщалъ пріѣхать и меня захватить хотѣлъ.

— Коли линейка свободна будетъ, Графчика и дочерей возьму,—сказалъ онъ Жукову.

Машеньку онъ Графчикомъ прозываетъ.

— Пріѣзжай, сватъ,—упреждалъ его Василь Григорьичъ.— Ни вздыхать, ни зѣвать не придется, пѣвцы у меня молодцы. Коли заскучаешь, всяку печаль-тоску съ сердца соскребутъ.

Градскій голова уѣхалъ рано, чаю у насъ не напившись. Папенька былъ сильно польщенъ его званьемъ, весь вечеръ въ саду пѣлъ: „Среди долины ровныя“.

Ужъ коли пошли гости, такъ на всю недѣлю. Въ понедѣльникъ пріѣзжалъ къ папенькѣ сахарный заводчикъ, Василій Абрамычъ Алферовскій, и просилъ чтобы Карачевскіе купцы долго векселей его у себя на товаръ не держали, а подписывали и слали сейчасъ же обратно. По немъ во вторникъ пріѣхалъ изъ Черни, чернскій купецъ, Василій Алексѣевичъ Поповъ, тоже нашъ давалецъ.

Послѣ Успеньяго дня.

Писали изъ Болхова, чтобы выслать туда поснаго сахара, а его здѣсь нѣтъ, хотя и говорятъ, что онъ посный, но только для того, чтобы его продать. Алферовскій надъ папенькой даже посмѣялся.

Пріѣзжалъ къ намъ опять отецъ Ааронъ и о. Викторъ, протодьяконъ.

Отозвалъ меня от. архимандритъ въ сторону и говоритъ мнѣ:

— Ну что, бунтовщикъ? Раздумалъ что-ль мужиковъ на свободу пускать?—а самъ улыбается.

Я понялъ, что онъ шуткой мнѣ говоритъ. Отвѣчаю:

— Нисколько, батюшка, не передумалъ.

— А умомъ раскинуть все же не можешь, какъ все это произвести надобно?

— Нѣтъ,—отвѣчаю я.

— Ты вотъ къ намъ въ Лавру къ вечернямъ о Воскресъ день приходи, апосля я тебя съ такимъ человѣкомъ сведу, что онъ тебѣ все доподлинно разъяснитъ, къ истинѣ доведетъ.

Недоумѣвалъ я, снова спрашиваю.

— Кто таковымъ человѣкомъ обозначится?

Усмѣхнулся от. Ааронъ.

— Вотъ приходи, тогда и увидишь. Не теперь, дай прежде „вруцѣ лѣто“ отправимъ. Вѣдь у насъ по канонамъ съ 1-го сентября зачатокъ года значится.

Маменька спросила, когда от. архимандритъ съ протодьякономъ уѣхали, о чемъ они со мной говорили. Отозвался, что звали на лаврскую службу приходить. Очень довольна этимъ званьёмъ маменька осталась.

Александровъ день.

Былъ съ папенькой въ Катерингофѣ. Чудесно здѣсь. Взору просторъ. Природа соединилась съ искусствомъ. Берега покрыты зеленью, каждогодно поправляемой, отчего получается лучшій видъ.

Тутъ рѣдѣютъ аллеи тѣнистыхъ деревъ, тамъ красуются цвѣтники и простыя бесѣдки, тамъ возвышаются высокіе ряды густыхъ березъ, заслоняющихъ солнце. На гуляньѣ этомъ тѣснѣе соединяются всѣ сословія жителей и иногородныхъ гостей, представляя зрѣлище разнообразное. Въ одеждѣ видна красивая опрятность, въ поступкахъ вѣжливость; взаимныя свиданія, учреждаемыя привычкою и пріятностью ума, и незнакомыхъ дѣлаютъ знакомыми.

Здѣсь пріятно гулять и въ то время, когда порывы осенняго вѣтра сбиваютъ съ деревъ разноцвѣтные листья и устилаютъ землю узорчатыми коврами.

Папенька встрѣтилъ одного знакомаго. Онъ состоялъ здѣсь на службѣ при строеніи береговъ и носилъ званіе служилаго гидраулика.

— Вотъ, смотри, Александръ,—сказалъ мнѣ папенька, указывая на статнаго господина съ небольшими темными усами:— это самый лучшій придворный ахтеръ Россійскаго театра, г. Каратыгинъ.

Когда-бъ сей знаменитый актеръ обратилъ въ ту пору на меня вниманіе, онъ прочелъ бы въ моемъ взорѣ высочайшее уваженіе и восхищеніе къ своему таланту.

Къ моему отчаянію до сихъ поръ мнѣ не довелось быть въ театрѣ, хотя все мое стремленіе направлено, чтобы видѣть знаменитѣйшее театральное представленіе: „30-ть лѣтъ, или жизнь игрока“, въ которомъ господинъ Каратыгинъ столь прелестенъ, какъ мнѣ сказывали люди его видѣвшіе, также какъ и въ „Юріи Милославскомъ“.

— О-зиму, когда навигація прикончится, я тебя отпущу, Александръ, въ театръ,—сказалъ мнѣ папенька, точно напредь провидѣвшій мое желаніе.

Доходили съ папенькой до городского въѣзда у Петровскаго моста; отсюда открывается новый, отличительный отъ прочихъ, видъ столицы.

8-го Сентября, день праздника Рождества Богородицы.

Сколь радостенъ для меня, нонѣшній день, не могу и выразить.

Папенька сперва желалъ вмѣстѣ со мною проѣхать въ Лавру къ поздней обѣднѣ, но недомогся что-то, вернулся отъ ранней изъ прихода, сказывалъ мнѣ:

— Ступай въ Лавру одинъ, послѣ обѣдни побывай у о. Аарона, передай ему мое почтеніе, можешь и вечерни тамъ отстоять.

Я не пошелъ, а побѣгъ, столь меня влекло скорѣе съ тѣмъ человѣкомъ повидаться, о которомъ сказывалъ о. Ааронъ, что онъ мнѣ все пояснить можетъ. Послѣ обѣдни въ соборѣ во имя Животворящей Троицы, о. архимандритъ повелъ меня до трапезы въ митрополичій садъ.

— Жалости достойно, — сказалъ онъ,—сколь въ Александровъ день порушенъ садъ и разоренъ городскими богомольцами, коихъ единожды въ сей день сюда допускаютъ.

Цвѣтники, увеселяющіе взоръ, разливающіе свои ароматы, грузныя вѣтви, зыблившіяся на разнородныхъ яблоняхъ, — все разсѣянно кинуто на землю въ безпорядкѣ. Около парниковъ, защищающихъ безчисленныя прозябанія отъ воздушныхъ перемѣнъ, хлопоталъ старый монахъ, съ большой сѣдой бородой; ему помогали два другихъ.

Замѣтивъ насъ, онъ поманилъ насъ рукой. Мы подошли. О. Ааронъ преклонился передъ старцемъ, я тоже.

— Ваше преосвященство, вотъ тотъ юноша, о которомъ я вамъ сказывалъ, купеческій сынъ, Александръ Полиловъ.

Я чуть не упалъ со страху. Предо мной стоялъ митрополитъ Серафимъ.

Вотъ кто былъ тотъ знающій человѣкъ, на котораго указывалъ о. Ааронъ.

Онъ отряхнулъ землю со своей ряски, пристально на меня поглядѣлъ и ласково сказалъ:

— Подойди, юноша!

Я подошелъ. Онъ благословилъ меня.

— Много о тебѣ сказывалъ о. архимандритъ; юношеская живость окрыляетъ радужной надеждой мысли, но помни, юноша, не всегда можетъ человѣкъ осуществить свои благіе порывы. Увы, многіе изъ нихъ несказанно цѣнные, и цѣнность ихъ еще болѣе возростаетъ, марево жизни заслоняетъ возможность ихъ исполненія. На дняхъ я слышалъ отъ схимника слѣдующія справедливыя слова: „Боже мой, изъ чего бьется весь людской родъ, неужели кусокъ насущнаго хлѣба при жизни и сажень земли по смерти стоитъ столькихъ заботъ и хлопотъ съ утра до поздней ночи?“ Онъ былъ правъ по-своему, ибо Самъ Господь Богъ сказалъ: „Надъ каждымъ днемъ довлѣетъ злоба его“. Но мы печемся о бо̀лыпемъ, забывая о томъ, что каждую минуту душа наша можетъ быть вынута у насъ, и мы превратимся въ прахъ. Я много о тебѣ слышалъ, мысли твои открыты, намѣренія честны, да пошлетъ тебѣ Творецъ исполненіе всѣхъ твоихъ надеждъ и стремленій. Потолковалъ бы съ тобою и больше, но нужно идти трапезовать. Зайди ко мнѣ иной разъ, поговоримъ.

И онъ, вторично благословивъ меня, отправился въ трапезную.

Вотъ поистинѣ Богоданная встрѣча! Моя затаенная мысль снова вышла изъ-подъ-спуда, я сталъ думать, чѣмъ поспѣшествовать, дабы не чинили торгъ людьми.

Здѣсь записки прерываются на нѣсколько мѣсяцевъ; видимо, что автору ихъ не было времени записывать, или же онъ былъ въ отъѣздѣ. Новыя записываются къ Рождеству того же года...

Святки.

Слава въ вышнихъ Богу! Дожилъ до великаго Господня праздника;—сколь это утѣшительно!

О. Ааронъ съ о. Іоанникіемъ и лаврской братіей пріѣзжали славить Христа. О. Іоанникій оставилъ маменькѣ собственноручную записку; я списалъ ее,—столь любезна она моему сердцу: „Просите святыхъ угодниковъ о ходатайствѣ ихъ предъ престоломъ Божіимъ о вѣчномъ спасеніи души вашей... Это поистинѣ самая важная просьба — не о временномъ и тщетномъ наслажденіи, но вѣчномъ, преславномъ и никогда нескончаемомъ пребываніи тамъ, гдѣ безчисленное множество ангеловъ, гдѣ

свѣтъ и радость, никакимъ умомъ непостижимыя... Вотъ куда стремится душа наша и ищетъ научиться, покуда въ тѣлѣ еще, какъ бы ей попасть на этотъ путь, что ведетъ въ царство Божіе. Аминь“.

Святки, еще.

Былъ опять въ театрѣ. Не смѣлъ безпокоить папеньку деньгами, попросилъ господина Рязанцева посадить меня къ музыкантамъ; видѣлъ „Братъ за брата“. Очень занимательно представляли. Г. Каратыгинъ 2-й чрезвычайно трогательно разыгрываетъ,—у меня потекли даже слезы.

30-го декабря.

Въ театръ папенька больше не пускаетъ, говоритъ: „Довольно, можно посидѣть дома съ сестрами“.

Скучно мнѣ, читать принялся. Вася Мошнинъ „Исторію русскаго народа“, соч. господина Зотова, принесъ, ее читать зачалъ.

Новый Годъ.

Папенька послѣ ранней обѣдни ѣздилъ по купечеству, меня съ собою не бралъ, но приказалъ идти въ Лавру о. Аарона и о. Іоанникія поздравить. Я было хотѣлъ идти, да занедужилось что-то, знобитъ всего, а морозъ нынѣ великъ.

— Не ходи-ка лучше, Саша; папенька ради хвори твоей сердиться не станетъ,—сказывала маменька. Я и не пошелъ.

5-го святили воду въ церквахъ. Былъ я въ Лаврѣ. Послѣ вечерни ходилъ вмѣстѣ съ о. Ааропомъ,—онъ нынѣ лаврскимъ настоятелемъ назначенъ,—къ его преосвященству. Ждали недолго; вышелъ къ намъ, лицо утомленное, но радостное. Распрашивалъ меня обо всемъ, вспомнилъ и о торгѣ людьми.

— Все на мысли еще держишь, юноша. Дерзай, благое замышленіе, уповай, милостивъ Господь, не оставитъ тебя безъ особеннаго Своего промышленія. О, сколь счастливо было-бы наше отечество, когда бы многіе такожде думали. Буду съ высшими властями видѣться и нарочито вопрошать о семъ важномъ дѣлѣ стану. Вопрошать открыто—нажить себѣ недруговъ и загубить не прозябшее зерно человѣческаго милосердія, и произростаніе его отложить на долгія времена.

Вотъ, что мнѣ сказывалъ митрополитъ, и слова его ловилъ я памятью своею, дабы доподлинно записать ихъ на бумагу.

— Ступай съ Богомъ, милосердный юноша, — сказалъ онъ мнѣ и отпустилъ съ благословеніемъ, а самъ съ о. Ааропомъ прошелъ въ свои покои толковать о дѣлахъ лаврскихъ.

Выразить желательно родителю весь мой восторгъ по сей

бесѣдѣ, но опасаюсь, гнѣваться станетъ на мои размышленія о торгѣ людьми. Прискорбно таиться, на душѣ тяжесть обозначилась. Раздѣленная забота выносится легче.

Безъ помытки.

Разсказалъ о своихъ мышленіяхъ ахтеру Рязанцеву и получилъ облегченіе.

Благодарное сердце у него, съ великою радостью принялъ онъ мое откровеніе. Просилъ совѣта у него, какъ поступать надлежитъ. Отвѣтилъ:

— Спѣшить въ такомъ дѣлѣ великомъ не слѣдуетъ, надобно помнить нашу пословицу: семь разъ отмѣрь—одиножды отрѣжь.

По его рѣчи сужу, такожде толкуетъ, какъ и его преосвященство; осуждаетъ поспѣшность.

— Въ иной разъ пойдемъ вмѣстѣ къ Василію Андреевичу (Каратыгину), онъ человѣкъ души отзывчивой, не преминетъ, что для ради пользы въ этомъ дѣлѣ посовѣтовать.

Пока упредилъ меня таиться и не сказывать свои мышленія никому.

— Опасно сіе дѣло, дворянство всяку препону ему положитъ, — повторилъ онъ мнѣ. Въ театръ звалъ приходить, но я не обѣщавался, на папенькино разрѣшеніе не надѣюсь.

— Скоро, на конецъ этого мѣсяца, въ бенефисъ Василія Андреевича, „Горе отъ ума“ г-на Грибоѣдова представлять будемъ, какъ есть цѣликомъ, не то, что раньше. Поди, видѣлъ лѣтомъ-то?

Отозвался, что не довелось.

— Тогда всенепремѣнно слѣдуетъ повидать, вся царская фамилія въ театрѣ будетъ. О мѣстечкѣ ты, Саша, не безпокойся, найдемъ.

Не посмѣлъ я ему открыться, что безъ дозволенія родителя придти въ театръ не осмѣлюсь.

Пришелъ подъ-вечеръ домой. У насъ въ гостяхъ сестрица Александра съ дѣтьми; совсѣмъ упамятовалъ, что нонѣ Татьянинъ день и сестрица Таня—имянинница.

Папенька очень разсердившись былъ, что меня долго не оказалось, когда онъ съ биржи пріѣхалъ, маменьку упрекать зачалъ.

Со мной говорить даже не сталъ, а какъ ужинать сѣлъ, ложкой по лбу меня стукнулъ.

Допрежь того, какъ съ дѣтьми и зятемъ Иванъ Ѳедотычемъ въ пѣтушки играли, не велѣли мнѣ съ ними въ игру садиться.

Но на сонъ грядущій благословилъ меня папенька, какъ и всѣхъ остальныхъ.

15 генваря 1831 года.

Подсчетъ по коммиссіямъ за прошлый годъ закончили, папенька доволенъ.

Брату Тихону пошелъ осенью семнадцатый годъ; папенька хочетъ послѣ Высшаго училища по веснѣ пріучить его къ своему дѣлу, меня же отъ него освободить.

— Не какъ слѣдъ ты къ нему прилежишь, старанье хотя и имѣется, а не погоже оно для тебя. Сыщу другое, или въ люди отдамъ.

И въ правду, не лежитъ у меня къ торговому дѣлу сердце, хочется что-то иное работать.

Онаднясь слушалъ, какъ г. Рязанцевъ на віолончели играетъ, заслушался,—точно проснулся, когда онъ игру свою закончилъ. Не въ здѣшнемъ мірѣ какъ бы находился.

Людей папенька купилъ на выкупъ, на имя сестры Александры—купцамъ нельзя, а ейный мужъ—чиновникъ, благородный.

Снова заныло мое сердце, снова обуяла его тоска.

Скоро купленные люди въ Петербургъ къ намъ съ гужевымъ обозомъ пріѣдутъ.

Господи! Гдѣ обрѣтается такая страна, гдѣ нѣсть ни раба, ни господина? У Тебя Одного Господи, только у Тебя, Пресвѣтлаго Создателя, въ селеніяхъ небесныхъ...

Безъ числа.

Папенька спосылалъ меня отобрать товару для отправки въ Корачевъ, къ В. Г. Жукову на фабрику.

Самъ меня на фабрикѣ встрѣтилъ, расцѣловался, радостенъ, ласковъ, такъ къ себѣ и манитъ, всю бы душу ему открылъ.

Хотѣлъ-было высказать ему свои помыслы, но вспомнилъ совѣты преосвященнаго и поудержался.

— Что-жъ, молодой человѣкъ, къ намъ не жалуешь, спѣсивымъ оказываешься, наши пѣсенки слушать не по нраву, а пѣсенники мои хоть куда, самъ государь императоръ ихъ слушать изволилъ, мнѣ ласковое слово вымолвилъ, „молодцомъ“ назвалъ.

— Пріѣзжай, Александръ Егорычъ, и папеньку упроси пріѣхать ко мнѣ—напослѣдокъ сказалъ мнѣ Жуковъ.

Безъ числа.

Былъ у папеньки Тимофѣй Михайлычъ Тихоновъ, купецъ изъ Выборга, пріѣзжалъ по дѣламъ.

— Что это старшой-то твой больно молчаливъ, Егоръ Тихоновичъ?—спросилъ онъ про меня у папеньки.

— Въ меня, говорить не любитъ.

Гость засмѣялся.

— А у насъ чухны къ пѣтуху приравняли бы его. Да ты не сердись, паренекъ, я не къ тому, чтобы тебя обидѣть: пѣтуха они великимъ колдуномъ почитаютъ и увѣрены, что онъ умѣетъ говорить, но молчитъ единственно отъ злости.

Мнѣ было горестно слышать, что меня приравняли къ злому существу, а я никоему человѣку зла не пожелалъ никогда.

Безъ числа.

Открылъ книгу, прочелъ:

„Поучительно было бы прозрѣть бездну своего существованія: иногда въ семъ мракѣ является мнѣ стройное, небесное существо: иногда какое-то безобразное созданіе стоитъ передо мною...

„Сердце, погружаясь въ душный хаосъ сомнѣнія, въ каждомъ предметѣ природы находитъ новую пищу для своего мученія".

Какъ все это вѣрно сказано, надо удивляться господамъ сочинителямъ: они всюду находятъ пищу для своего ума и воображенія.

„Нашъ міръ можно сравнить съ возмужалымъ человѣкомъ; онъ много знаетъ, много помнитъ, но забылъ не только мигъ своего рожденія, но даже и нѣсколько лѣтъ своего дѣтства; о сихъ лѣтахъ повѣствуютъ ему няньки... вѣрить ли имъ?

„Ветхая старость ихъ близка къ безсмысленному младенчеству. Забывая свои слова, онѣ часто сами себѣ противорѣчатъ...

„Что же остается ему? Примѣнить настоящее къ прошедшему, дабы узнать грядущее.

„Но можетъ ли возмужалый человѣкъ познать самого себя, если онъ забылъ свое младенчество?

„Можетъ ли онъ постояннымъ наблюденіемъ, пробуждая рядъ забытыхъ чувствъ, наконецъ оживить и первое впечатлѣніе своего дѣтства?"

Въ первый разъ мнѣ пришлось читать такую книгу. Голова закружилась. Я не могъ отъ нея оторваться и сталъ выписывать въ тетрадь: и къ чему намъ собственность, когда каждый мигъ приближаетъ насъ къ могилѣ? Отъ колыбели до гроба— мы постепенно умираемъ... Младенчество и старость нельзя назвать жизнью... что же наша жизнь?..

Улучу время, пойду въ воскресенье къ о. Аарону, буду просить его разъяснить мнѣ эту книгу.

Сколь она загадочна, таинственна и манитъ прочитать ее отъ доски до доски.

Откуда она у меня появилась, недоумѣю, развѣ кто изъ

Мошниныхъ? Сказываютъ, что не приносили... Должно, братъ Тихонъ изъ училища по ошибкѣ вмѣстѣ съ своими книгами принесъ.

Срѣтенье.

Были всѣ въ церкви. Послѣ обѣда на бѣга на Неву ходили: смотрѣли, какъ лошади бѣгаютъ. Все больше биржевыхъ нашихъ, Пономарева, Рахманова и другихъ.

Студно было очень, сильно зазнобились, вернулись домой еще засвѣтло было.

Безъ числа.

Просилъ папеньку разрѣшить мнѣ поступить на публичныя лекціи, что нынѣ въ Петербургѣ открылись. Сказывали мнѣ товарищи, что большая польза и нужда для многихъ въ нихъ имѣется.

Папенька сначала разсердился, апосля какъ съ Ѳомой Эдмундычемъ Харвеемъ перетолковалъ, по ласкѣ со мной разговаривалъ.

— Ужъ коли хочется тебѣ высшее ученье превзойти, я не прещу, поѣдемъ вмѣстѣ къ господину Гасфельду, что аглицкому языку обучаетъ, наперво порядиться съ нимъ нужно.

Ѣздили къ аглицанину, папенька торговаться съ нимъ пожелалъ; г. Гасфельдъ на уступку не пошелъ, сошлись въ цѣнѣ все-таки. Сурьезный мужчина, сказывалъ, что нужно и французскому языку мнѣ учиться: „легче аглицкій переймешь“.

— Это апосля, напередъ пусть одно нарѣчіе превзойдетъ,— рѣшилъ папенька.

Платить будемъ г-ну Гасфельду сорокъ два рубля ассигнаціями по май мѣсяцъ.

12 февраля.

О своей радости не преминулъ сообщить г-ну Рязанцеву.

— Хорошее дѣло ты, Александръ Егорычъ, задумалъ: иностранные языки просторъ уму и знанію открываютъ! Какъ сожалѣю, что самъ имъ не обученъ,—сказалъ онъ мнѣ.

Пошли вмѣстѣ съ нимъ къ Василію Андреевичу, я его съ той поры, какъ комедію „Горе отъ ума“ въ генварѣ смотрѣлъ, еще не видѣлъ.

— Понравилось-ли вамъ, какъ представляли?—спросилъ меня въ нонѣшній разъ.

Кромѣ похвальбы, что возможно сказать иное! Особливо понравился мнѣ братъ Василія Андреевича, Петръ Андреичъ,— болтуна Загорѣцкаго представлялъ чрезвычайно справедливо и похоже.

Г. Каратыгинъ тоже одобреніе свое мнѣ высказалъ, что я на лекціи вступилъ.

— Можетъ, и переводить потомъ сами разныя театральныя комедіи станете.

Вспомнилъ мои мышленія о прекращеніи торговли мужиками, какъ скотомъ безсловеснымъ, упредилъ, что при случаѣ съ театральнымъ директоромъ, княземъ Гагаринымъ, разговоръ имѣть будетъ.

— Ненарокомъ онъ господину министру можетъ благую мысль подать, а тамъ и дальше двинется,—объяснилъ онъ мнѣ.

Почему невозможно все это мышленіе написать и Государю Императору преподнести?—думалось мнѣ,—онъ пойметъ, сколь тяжелъ этотъ людской торгъ!

Но сихъ мыслей я не пояснилъ.

Василь Андреичъ новую ролю учитъ. „Кровавая рука“ трагедія прозывается, переводилъ ее Петръ Андреичъ.

Великій постъ.

Все время талая погода.

Въ аглицкомъ языкѣ успѣваю хорошо; г. Гасфельдъ одобреніе свое мнѣ сказывалъ и повторно говорилъ, что надлежитъ и за французскій приняться. Боюсь сказать папенькѣ, но по совѣту г. Гасфельда ходилъ къ А. Язвинскому, что лекціи французскія задаетъ.

Мое видя рвеніе, согласился за недорогую плату учить...

Безъ числа.

Былъ у о. Аарона въ Лаврѣ, митрополита не видѣлъ,—онъ болѣетъ, о чемъ я душевно сожалѣлъ.

— Приходи, Александръ, на пятой недѣлѣ къ Богородичнымъ похваламъ,—сказалъ мнѣ батюшка о. Ааронъ,—тогда его преосвященство и повидишь.

Купленные люди проживаютъ у насъ, всего трое: Матрена, Александра и Василій. Матрена и Александра кухарютъ и за коровой ходятъ, а Василій на оброкъ ушелъ,—колоть ледъ на Невѣ подрядился.

— По лѣту, на тоняхъ у Борховой дачи, воротъ вертѣть стану, крылья и мотню съ рыбой тянуть,—пояснилъ онъ мнѣ,—апосля деньгами собьюсь, выплату за себя и за Александру сдѣлаю, на свободу уйду.

Александра—его жена, а Матрена безродной значится.

Тяжело моей душѣ!

Разсужденіе слышалъ сегодня у г. Гасфельда на лекціи—нѣкого господина Бонифанта, помѣщичьяго брата, объ оброчныхъ

крестьянахъ. Негодовалъ онъ на сестру свою, г-жу Парсунову, что многихъ своихъ людей на оброкъ перевела.

— Проживая по городамъ по прибытію безъ должности, они тратятъ скопленныя деньги, теряютъ нравственность и для хлѣбопашества становятся непригодными и въ городахъ нуждаются въ пропитаніи.

Не христіанское разсужденіе сего господина! Гдѣ же тогда нажить имъ деньги, чтобы хотя подъ-конецъ жизни выкупить себя и свои семьи на свободу! Безжалостное сужденіе его мевя сильно огорчило.

Суббота 5-й недѣли.

Былъ вчера у преосвященнаго, удостоилъ меня своей душеспасительной бесѣдой, спрашивалъ, сколь много наторѣлъ я въ аглицкомъ языкѣ, далъ мнѣ на немъ святое евангеліе, заставилъ переводить. Похвалилъ за успѣхи.

— Радуюсь, юноша,—прилежаніе твое похвально; сколь жалѣю, что мышленія твои о прекращеніи торга людьми до сихъ поръ не могу передать власть имущимъ. Не робѣй, пожди — авось всѣмъ подневольнымъ людямъ на Руси облегченіе будетъ.

Сколь благостныя слова! Отъ умиленія я заплакалъ, припалъ къ его пастырскимъ рукамъ и облобызалъ ихъ.

Пасха Господня—Пасха! Другъ друга обымемъ...

Яркое солнышко встрѣтило великую вѣсть о воскресеніи Господа нашего.

Шли изъ церкви отъ свѣтлой утрени, оно играя восходило.

Сколь радостно на душѣ у меня!

Разговѣлись всѣмъ семействомъ вкупѣ, были зять съ сестрою Сашей и ихъ малютками.

Вмѣсто меня, папенькѣ помогать станетъ братъ Тихонъ,—скоро кончитъ и онъ училище.

Мнѣ папенька сказалъ сегодня:

— Учись разнымъ языкамъ, Александръ, апосля я тебя къ Ѳомѣ Эдмундычу въ контору устрою, можетъ, онъ тебя въ Англію перешлетъ.

Спасибо папенькѣ, столь радостную Пасху я о сего день встрѣчаю.

Записки прерываются снова; перерывъ до августа. Вѣроятно, автора ихъ не было въ Петербургѣ, или онъ былъ очень занятъ.

Успеньевъ день.

Должно сказать: слава Тебѣ, Создателю Благому, все наше

семейство живо и здорово, но многіе наши знакомые покоятся на кладбищахъ, сраженные жестокимъ бичемъ Божьяго гнѣва.

Холера овладѣла столицей. — Плачъ повсюду, люди людей боятся, дабы не захватить заразительный недугъ.

Были съ папенькой на буянѣ, упалъ на землю одинъ скивидоръ, биться зачалъ съ пѣной у рта. Всѣ боязно отошли отъ него; я съ Максимомъ разборщикомъ подняли его, уложили на бунтъ съ пенькой. Насъ стали сторониться—побѣжали за Андрей Егорычемъ Шестаковымъ въ кадетскій корпусъ. Пока пришелъ онъ, а скивидоръ ужъ Богу душу отдалъ.

Со мной и Максимомъ ничего дурного не приключилось, благодареніе Богу, но папенька очень сердился на меня.

— Не разумный ты, Александръ, развѣ возможно къ холерному подходить, на явную смерть напрашиваться.

А я того разумѣнія: кому что суждено, то съ нимъ и приключится! Да будетъ воля Божья. Г. Гасфельдъ сказывалъ, что отъ холеры надлежитъ теплый набрючникъ носить и какія-то капли пить.

Погибъ мой благопріятель, придворный ахтеръ Рязанцевъ; сердечно жаль мнѣ его,—душевный былъ человѣкъ; товарищи сказывали, что жизни своей онъ не щадилъ, невоздержанно самъ себя содержалъ.

О кончинѣ его узналъ случайно; въ городъ папенька не пускаетъ изъ-за холеры, театры позакрыли, ахтеры разъѣхались, Василь Андреичъ тоже мнѣ невѣдомо куда отбылъ.

Въ церквахъ молебствуютъ объ избавленіи отъ холеры. Отецъ Ааронъ заѣзжалъ къ намъ на-спѣхъ, сказывалъ, что больные у нихъ въ Лаврѣ имѣются, но ради хорошаго ухода многіе поправились.

Привезъ папенькѣ письмо, митрополитомъ полученное отъ его друга. Я списалъ его:

„Получилъ письмо Ваше Преосвященство. Прочиталъ. Грустно стало на сердцѣ. Печальное извѣстіе. Плачевныя событія. Страждетъ Петербургъ. Люто онъ страждетъ, бѣдный, и не оцѣнимою болью физической. Пламя безвѣрія, безбожія, матеріализма, деизма, атеизма, вольномыслія, вольнодѣйствія, жгетъ его со всѣхъ сторонъ ужаснѣе, страшнѣе, опаснѣе пламя физическаго. Въ разгарѣ страстей, издающіеся современные журналы и газеты служатъ поджожкой; потерявшіе чувство страха Божія, какъ агенты сатаны, образуясь въ фальшивый свѣтъ, лживое просвѣщеніе и образованіе распространяютъ, мракъ и тьму. Универсальная система воспитанія и ученія, въ ушахъ и сердцахъ юнаго поко-

лѣнія посѣваетъ лишь сѣмяна зла и гибели. При торжествѣ этой системы, спасительные уставы святой православной церкви — поруганы. Въ училищахъ православіе остается лишь въ одной теоріи, и то чуть-чуть, на показъ, для публичнаго акта. На самомъ же дѣлѣ, практически господствуетъ духъ Папы, духъ Лютера и Кальвина. Постъ, который содержалъ самъ Христосъ Спаситель, и обязательно узаконилъ для всѣхъ вѣрующихъ, въ Петербургѣ не существуетъ. Современный лестчій духъ, врагъ Бога и нашего спасенія, шепчетъ, что это маловажность, мелочность, ничтожность. И преимущественно, имѣющіе претензію на просвѣщеніе, образованіе, утвердивъ въ сферѣ своей столъ лютеранскій, властію своею, дѣлаютъ преткновеніе бѣднымъ, немощнымъ, причиняютъ соблазны и паденія простѣйшимъ. Кажущіеся лучшими въ смыслѣ гражданскомъ, дѣлаются худшими въ смыслѣ христіанскомъ. Бѣдные и жалкіе просвѣщенные забываютъ, что постъ есть божественное учрежденіе святой православной церкви, что нарушеніе его есть ослушаніе; а ослушники и преслушники святой церкви ставятся на ряды съ язычниками и мытарями, — какъ бы ни были, по внѣшнему, просвѣщены и образованы; при язычникѣ же и мытарѣ нѣтъ Божьей благодати. Нарушитель поста, и тѣмъ болѣе несознающій виновности своей и грѣховности въ томъ, — положительно язычникъ, если бы и назывался христіанинъ. Слово Божіе такъ говоритъ: буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь. Правильное осѣненіе себя знаменемъ креста изгнано въ Петербургѣ. Въ новѣйшее время, богопротивное, антиправославное просвѣщеніе и образованіе, исказивъ знаменіе креста, ввело въ употребленіе безсмысленное, кощунное маханіе на груди рукою. Словно свинцовая, или параличемъ разбитая она, не можетъ (а справедливѣе не хочетъ) осязательно коснуться ни чела, ни груди, ни персей. Въ понятіи просвѣщенныхъ и образованныхъ, мелочность, ничтожность — и это. Тогда какъ по ученію вселенскаго учителя, святаго Златоуста, искаженіе знаменія креста—именно маханіе по груди рукою— составляетъ утѣшеніе бѣсовъ, а искажающій и презирающій симъ святымъ знаменіемъ креста есть жертва сатаны. Духъ тьмы, какъ пламени, боится правильно возлагаемаго крестнаго знаменія. А къ искажающему удобно подступаетъ и удобно уловляетъ его въ свои адскія сѣти; путаетъ въ самыхъ благихъ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ.

„Въ Петербургѣ, самое главное несчастіе: изгнана благодать Божія изъ всѣхъ училищъ, университета, лицея, институтовъ, пансіоновъ, изгнано то, что истинно освящаетъ и просвѣщаетъ,

хранитъ и спасаетъ. Всѣ училища осквернены учебною программою. Языческое существуетъ ученіе и воспитаніе. Наравнѣ съ Закономъ Божіимъ преподается и беззаконіе діавола, и сіе послѣднее столько же обязательно, сколько и первое. Официально, по системѣ, методически: Законъ Божій... и танцовальный классъ. Кощунство, насмѣшка надъ Господомъ Богомъ и его святымъ Закономъ. Какое общеніе свѣту ко тьмѣ! Правительственно, отъ народнаго просвѣщенія, преподается въ училищахъ искусство Иродіадиной дочери—пляска. И видимъ плоды: у воспитанниковъ болѣе образованы ноги, нежели голова. Тщательно исполняютъ они уставъ танцмейстера, но еще тщательнѣе нарушаютъ уставъ Церкви, выучась тому и другому по системѣ существующаго просвѣщенія. Смотрѣть сквозь пальцы на изученіе плескамъ и танцамъ — въ домахъ и семействахъ частныхъ, предоставить прозволу и совѣсти родителей — это другое дѣло. Но вводить, оффиціально, во святилищѣ ученій, было, есть и будетъ страшно. И думать нельзя, чтобы при такомъ положеніи было у насъ благополучно въ Россіи.

„Словомъ, и ученіе, и воспитаніе, и жизнь идетъ у насъ, особенно въ Петербургѣ, безъ Христа, безъ креста, безъ поста,— не говоря еще о томъ, что въ шумѣ Невскаго проспекта, изумительныхъ игръ, забавъ и веселій, въ центрѣ города, островахъ, паркахъ—имени Господа нашего Іисуса Христа вовсе не слышно; практика жизни поведена, не по слабости только, а по принципу преимущественно, врозь съ церковностію: что̀ удивительнаго, что все это привлекло кару гнѣва Божія? Воспламеняется жестокимъ недугомъ Петербургъ. Избави, Господи, не было бы хуже и злощастнѣе, если не обратимся съ молитвою и моленіемъ къ Господу, не покаемся и не исправимся“.

Неужли таковое осужденіе справедливо? Недоумѣю. Что отвѣтитъ на это письмо митрополитъ?

Неужли въ самомъ дѣлѣ танцы столь грѣховны и помѣхой служатъ религіи?

Не спрашивалъ объ этомъ ни папеньку, ни отца Аарона, при случаѣ спрошу самого митрополита. Онъ напрямки мнѣ отвѣтитъ,—я его норовъ знаю хорошо.

Сентябрь.

Слава Творцу-Зиждителю, холера ослабѣла, покойниковъ все съ каждымъ днемъ меньше и меньше.

Лекціи наши снова начались; учусь теперь французскому,

шведскому языку, а кромѣ того у пастора на Конюшенной улицѣ изучаю и финское нарѣчіе.

Папенька, по моему настоянію, хотѣлъ-было отдать сестру Клавдію въ пансіонъ г-жи Цаппетини, что на Адмиралтейской площади, гдѣ содержательница очень хорошо умѣетъ возбуждать соревнованіе къ наукамъ разными поощреніями, но раздумалъ.

— За дѣвченку платить 144 рубля ассигнаціями въ годъ не приходится; пусть къ дьячихѣ побѣгаетъ, и того съ нея довольно.

Возражать родителю я не посмѣлъ, но маменькѣ пытался объяснить, сколь полезенъ и удобенъ способъ взаимнаго обученія, изобрѣтенный Велемъ и Ланкастеромъ.

Она послушала меня съ малымъ вниманіемъ и только сказала:

— Не должно дѣтямъ быть умнѣе родителей!

Раздумался я о маменькиныхъ словахъ, сколь невѣрными онѣ мнѣ объяснились. Благоденствія будущихъ поколѣній созиждутся на образованіи будущихъ матерей семействъ, первыхъ руководительницъ человѣка на поприщѣ жизни, первыхъ наставницъ и въ добрыхъ нравахъ, и развитіи ума.

Братъ Тихонъ замѣнилъ меня въ подмогѣ папенькѣ.

Безъ числа.

Былъ у Василія Андреича. Пожалѣли съ нимъ о безвременно умершемъ Рязанцевѣ; добраго собесѣдника потерялъ я въ немъ, хотя о знакомствѣ моемъ съ нимъ папенька относился неодобрительно.

— Отчего вы не были въ новомъ театрѣ, Александръ Егорычъ?—спросилъ меня Василій Андреичъ.

Отозвался большими занятіями и недавнимъ печальнымъ состояніемъ столицы по случаю холеры; обѣщалъ придти посмотрѣть столь дивное созданіе Росси.

Спросилъ меня онъ и о моихъ знаніяхъ французскаго языка, заставилъ прочитать и перевести по книжкѣ, — то и другое исполнилъ я весьма хорошо. Онъ изумился, въ сколь короткое время оказалъ я таковые богатые успѣхи.

— Вы можете брату моему Петру быть чрезвычайно полезнымъ помощникомъ. Я скажу ему и познакомлю васъ съ нимъ.

Это польстило оченно мнѣ, я поблагодарилъ его и ушелъ.

Генваря 15-го 1832 года.

По желанію папеньки написалъ по французски письмо въ нѣмецкій городъ Лейпцихъ съ предложеніемъ прислать на ихъ пасхальную ярмарку образцы русской пеньки чесаной, пряжи, поташа, свѣчъ сальныхъ и самаго сала.

— Покажемъ мы нѣмцамъ, какіе товары у насъ въ Россіи имѣются,—радовался папенька,—слыхано-ли дѣло: нашу пеньку и сало черезъ англичанъ покупаютъ!

На другой день.

Пасторъ, у коего я по-фински учился, разсказывалъ мнѣ столь благопріятно про свою страну, что я возгорѣлъ желаніемъ въ ней побывать. Сказалъ папенькѣ, изумился.

— Коль желаешь туда ѣхать, напишу я своему благопріятелю Тимофѣю Михайловичу: онъ тебя къ себѣ на дѣло приметъ.

И написалъ. Ожидаю съ упованіемъ добраго отвѣта.

Срѣтенье.

Были всѣмъ семействомъ въ театрѣ на представленіи оченно потѣшной комедіи: „Новый домъ сумасшедшихъ“. Всѣ, даже папенька надрывали животы отъ смѣха. Вася Мошнинъ принесъ мнѣ новые стишки господина Глинки, весьма чувствительные; я ихъ тотчасъ же переписалъ.

Синее небо! Синее небо!
Алмазныя звѣзды!
Залягте, утоньте,
Въ раскрытую душу,
Какъ тонете вы величаво
Въ хрустальномъ, глубокомъ потокѣ!..
Ахъ! какъ-бы я веселъ, ахъ! какъ-бы я счастливъ
И радостенъ былъ,
Когда-бъ я могъ слышать, когда-бъ я могъ вѣрить,
Что небо въ душѣ я ношу!..

Вторникъ. 18-го февраля.

Отъ Тихонова папенька о завчера получилъ благопріятный для меня отвѣтъ: онъ беретъ меня къ себѣ на дѣло и будетъ платить 650 рублей ассигнаціями въ годъ,—опослѣ-завтра поѣду къ нему въ Выборгъ, пачпортъ и подорожную завтра выправятъ.

Смотрѣлъ въ дорожникъ, тамъ сказано:

„Прогоны платятся по шести копѣекъ съ версты (мѣдью), изъ городовъ вдвое, акромя того за почтовую телѣгу или сани взимается съ проѣзжаго по 3 коп. за милю (10 верстъ). Начиная отъ Финляндской границы у проѣзжихъ не прописывается подорожная; на каждомъ гастиберствѣ [1]) есть книга Dag-bok, т.-е. дневная, куда проѣзжій записываетъ званіе, фамилію, число взятыхъ лошадей и претензію на тихую ѣзду или какія неисправности, замѣченныя на тракту.

[1]) Постоялый дворъ.

„Проѣзжій за самовольную расправу съ подвозчикомъ, подвергается значительному денежному взысканію“.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе выборгской жизни:

„Выборгскій форштадтъ, гдѣ я живу, довольно обширенъ, и застроенъ частными деревянными домами, заселенъ болѣе русскими. При выѣздѣ изъ форштадта, Выборгская крѣпость представляется во всей ея красотѣ и величіи.

Громадныя, гранитныя стѣны, нося печати вѣковъ, угрюмо привѣтствуютъ странника, а изъ-за нихъ смиренно выглядываютъ крыши частныхъ домовъ скромныхъ выборгцевъ.

Все выборгцы—ужасные домосѣды. Чудной народъ! и что-жъ они дѣлаютъ въ своихъ скромныхъ домикахъ? какъ убиваютъ время? Мужчины утромъ на службѣ, а потомъ сидятъ себѣ остальное время въ своихъ каморкахъ, курятъ коротенькія трубки, да поплевываютъ по сторонамъ (ужъ это ихъ метода куренія). Женщины все утро хлопочутъ около печки на кухнѣ, а потомъ сидятъ себѣ по угламъ, да вяжутъ чулки.

Въ домашнемъ быту выборгцевъ, отсутствуетъ роскошь, и присутствуетъ экономія, доходящая до скупости. Роскошь выше состоянія есть порокъ, но и скупость не есть добродѣтель. Финляндцы не расточительны, но за то и средства ихъ такъ ограниченны, что поневолѣ заставляютъ ихъ жить съ расчетомъ и думать о черномъ днѣ. Жить по состоянію и не знаться съ долгомъ—черта похвальная.

Финны превосходные мореходы; страсть ихъ къ морю превышаетъ всякое вѣроятіе; страсть эта родится съ ними и растетъ съ годами. Не можетъ существовать отважнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ искусстнѣе мореходовъ, каковы Финны. Несчастные случаи въ плаваніи въ Финляндіи весьма рѣдки, суда и даже лодки ходятъ по открытому морю и совершаютъ всегда свои рейсы благополучно. Финнъ не страшится ни бурной погоды, ни темной ночи и, дѣйствуя всегда смѣло и даже слишкомъ отважно, всегда достигаетъ своей цѣли; нужно видѣть съ какимъ обычнымъ хладнокровіемъ во время бури, мореходъ Финнъ сидитъ на рулѣ, и съ какимъ искусствомъ онъ ведетъ судно, извиваясь между страшныхъ валовъ бурной стихіи“.

Новый перерывъ записокъ. Авторъ вернулся въ Петербургъ. Онъ сильно простудился въ Выборгѣ и заболѣлъ горячкою. Пе-

репуганный его болѣзнью, Тихоновъ написалъ объ этомъ Егору Тихоновичу. Дѣдушка самъ отправился за сыномъ въ Выборгъ и привезъ его полубольного въ Петербургъ.

Это было въ концѣ мая. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что Александра Егоровича вызывали въ какую-то канцелярію; объ этомъ въ дневникѣ записано слѣдующее:

„Чиновникъ спросилъ мое имя и званіе и затѣмъ, удостовѣрившись въ этомъ,—сказалъ мнѣ:

— На тебя возводится обвиненіе, что ты бунтуешь народъ, ищешь для тягловаго люда какой-то свободы. Правда это?

Я отозвался, что мои слова иначе пересказаны были.

На это чиновникъ сказалъ, что напрасно я запираюсь: всѣ мои слова переданы взаправду,—какъ я ихъ сказывалъ.

На это я усмѣхнулся и попросилъ чиновника мнѣ прочитать ихъ, на что онъ недоумѣлъ и молчаніемъ отвѣтствовалъ.

— Наказанію тебя подвергать не станутъ, но долженъ ты подписью своею скрѣпить обѣщаніе, что никогда не будешь подобными рѣчами смущать народъ и высокоставленныхъ лицъ тревожить!

И передалъ мнѣ бумагу; я прочелъ ее и, увидя пустоту ея содержанія, смѣючи подписалъ. Апосля чиновникъ отпустилъ меня изъ канцеляріи“.

Этимъ сообщеніемъ и оканчиваются записки Александра Полилова.

Вскорѣ онъ отправился на похороны старушки Мошниной на Смоленское кладбищѣ. Онъ рискнулъ, не желая дѣлать дальній обходъ, переправиться по рѣчкѣ Черной вбродъ. Вѣроятно, во время перехода съ нимъ сдѣлалось дурно; его нашли утонувшимъ, при чемъ вода еле покрывала его голову.

Въ записной книгѣ дѣдушки записано его собственной рукой:

„1832 года 10-го іюня умеръ сынъ Александръ, которому житія было 19-й годъ“.

Полиція не разрѣшала хоронить его, подозрѣвая самоубійство, и только благодаря вмѣшательству самого митрополита, его похоронили.

Сообщ. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.